

Глава 24

В Зале Восточной Изгороди мешались ароматы цветов и лекарственных трав. Горьковато-сладкий, терпкий воздух напоминал запах розмарина, что растёт в мире смертных — он очищал разум и успокаивал сердце.

Дожди последних дней напоили девятилепестковый пруд, выложенный из белого мрамора, и редкие травы в нём расцвели яркими красками. А вот маленькие ростки в почве у моста, напротив, поникли под тяжестью непрекращающейся влаги.

Седовласый юноша в лазурном одеянии стоял здесь уже несколько дней. Он держал в руках бумажный зонт, по которому, казалось, скользили призрачные алые карпы, а завеса дождя окутывала его фигуру туманной дымкой.

Существовала запретная техника под названием «Сяншэн» — техника слияния жизней. Если подпитывать связанного духа живительной росой из источника жизни, можно было взрастить для него плотское тело.

— Учитель...

Лу Чжаохуа подпирал свой зонт плечом, и вид у него был такой, словно он вот-вот расплачется. Он несколько лет с таким трудом выращивал эти «бессмертные лилии», а теперь они гибли от избытка воды.

Дождь, призванный Сяо Бецзюнем, всё не утихал.

Этим цветам нельзя было менять почву, но и оставлять их под открытым небом тоже было нельзя. Если ливень не прекратится, все его труды пойдут прахом.

— Учитель, — снова позвал Лу Чжаохуа.

— В чём дело? — отозвался, наконец, седовласый заклинатель, погружённый в собственные мысли.

Лу Чжаохуа, глядя на его одинокую спину, понимал, что не стоит беспокоить наставника. В Зале Восточной Изгороди их было всего двое. Он провёл рядом с Сяо Бецзюнем сотню лет и знал: душевные раны наставника — тема запретная. Его «узлом на сердце» была та самая дева-оборотень, Цзинь Мэй.

Ученик посмотрел на карпа, изображённого на зонте, и нахмурился. Ради своих трав он решил пойти до конца.

— Учитель, молю вас, прекратите дождь, — искренне произнёс он.

Дождь не унимался. Сяо Бецзюнь мельком взглянул на поникшие в грязи стебли и безразлично бросил:

— Всего лишь трава. Завянет — посадишь новую.

— Посадить новую?.. — Лу Чжаохуа замер. В голове словно что-то оборвалось. Он медленно опустился на колени перед наставником и твёрдо сказал: — Простите мне мою дерзость, но не слишком ли вы милосердны к небесам и безразличны к земному? Уверен, дева Цзинь Мэй не хотела бы видеть вас в таком состоянии.

Лазурный заклинатель обернулся. Он посмотрел на коленопреклонённого ученика, но в его взгляде не было гнева.

— То, что ты так разговариваешь с учителем из-за нескольких травинок, действительно дерзко.

Лу Чжаохуа не отвёл взгляда и не отступил:

— Учитель, если бы я из жалости к вашей скорби вырвал те цветы Лазурной орхидеи, что оставила Цзинь Мэй, как бы вы поступили?

Сяо Бецзюнь едва заметно нахмурился.

— Ты бы не посмел.

— Да, — признал Лу Чжаохуа. — Конечно, не посмел бы. Но и вы, учитель, если бы я вырвал её цветы, не сказали бы мне: «Завянут — посадишь новые».

Сяо Бецзюнь отвёл взгляд и посмотрел на поникшие лилии. Он на мгновение растерялся. Последние дни он был настолько погружён в собственную печаль, что совершенно забыл о чувствах окружающих. Но всё же упрямство ученика казалось ему чрезмерным.

Лу Чжаохуа, не вставая с колен, указал рукой на умирающие растения:

— Орхидеи госпожи Цзинь Мэй важны, это бесспорно. Но эти лилии так же важны для меня... Учитель, заклинаю вас, перестаньте! К чему оплакивать прошлое, если вы не цените то, что у вас перед глазами?

«Ценить то, что перед глазами?» — Сяо Бецзюнь не до конца понял смысл этих слов.

— Ты сказал, что я слишком милосерден. Что ты имел в виду?

Лу Чжаохуа выпрямил спину:

— Говорят, шибо Линь И уже отправился в Павильон Закаленных Звезд за Жемчужиной Алого Дракона. Скоро он вернётся, и вы сможете встретиться с девой Цзинь Мэй. Вы — алхимик высшего ранга, зачем же сейчас изнурять себя этим дождём, растрачивая культивацию и душевные силы? Жемчужина не такая уж редкость для шибо, я бы вымолил её для вас, даже если бы пришлось потерять всякий стыд! А то, что вы делаете сейчас... это же чистое самоистязание!

Лу Чжаохуа хотел сказать больше, но слова застряли в горле. Он безгранично уважал наставника, но его эгоизм в горе его бесил. В сердцах он отбросил зонтик в сторону и низко поклонился:

— Я признаю свою вину за эти речи. Но прошу — прекратите технику! Если вы так жаждете и дальше проливать «Сладкую росу», я готов делать это за вас, пока не упаду без сил!

Дождь продолжал накрапывать. Лицо Сяо Бецзюня за эти дни осунулось от усталости, но карп на зонте становился всё живее, словно готов был вот-вот спрыгнуть с бумаги. Наставник не стал говорить ученику правду. Он знал, что Павильон Закаленных Звезд отдаст жемчужину Бутяню — Лэн Вэйсян сообщила об этом в письме.

И дождь этот был не техникой «Сладкой росы», а началом обряда «Сяншэн».

Сяо Бецзюнь вздохнул. Глядя на промокшие одежды Лу Чжаохуа, он взмахнул рукавом:

— Довольно.

Тучи над Залом Восточной Изгороди мгновенно разошлись, и выглянуло яркое солнце.

«Мой ученик ничем не примечателен, — подумал Сяо Бецзюнь, — кроме одного: он такой же упрямый, как и я».

Дождь стих, как того и хотел Лу Чжаохуа. Но тот всё ещё не поднимался. Сяо Бецзюнь не стал его ругать, а лишь тихо произнёс:

— Сходи за духовным кувшином и нефритовой лопаткой. Я помогу тебе выходить эти травы.

Голос наставника звучал мягко, словно журчание воды по мрамору. В нём не было ни капли осуждения. Лу Чжаохуа почувствовал, как к горлу подкатил ком. Он знал, чего стоила учителю эта седина и почему на его зонте резвится алый карп.

— Благодарю, учитель! — выкрикнул он, притворяясь радостным, и поспешил за инструментами.

Сяо Бецзюнь остался один. Он наклонил зонт над опустевшим мраморным прудом. Карп, изображённый на бумаге, рванулся вперёд и, вырвавшись за пределы рисунка, настоящим живым всполохом прыгнул в воду. Рыба весело заплескалась, но он знал — это лишь «связанный дух», лишённый души.

Солнечный свет прогнал тени, пруд заискрился. Сяо Бецзюнь задумчиво перебирал прядь своих седых волос. Он чувствовал грусть, но в то же время был рад, что Лу Чжаохуа так прост сердцем.

Он слишком торопился с обрядом «Сяншэн», узнав о жемчужине, и совсем позабыл о цветах... Сяо Бецзюнь посмотрел на поникшие лилии. Лу Чжаохуа посадил их в день, когда стал его учеником. Это был подарок учителя. Трудный в уходе, невзрачный вид, но теперь эти травы наполнились чистой духовной энергией.

В городе Цзиньси закат окрасил реку и дома в багряные и золотые тона. Блики играли на черепичных крышах теремов, по улицам текли толпы людей, а детские крики вплетались в общий гул, не раздражая, а дополняя атмосферу жизни.

В тихом углу постоянного двора Линь И сидел на кровати, обхватив голову руками.

«Ох... В наше время даже учитель не может переубедить ученика».

Линь И был в смятении. Ему безумно хотелось просто связать этого «главного героя» и насильно исцелить его духовный корень. Но, конечно, так поступать было нельзя. Это не ребёнок, которому можно сделать укол, а потом дать конфетку, чтобы он всё забыл.

Перед ним был взрослый мужчина. Да и с таким трудом заработанная лояльность могла рухнуть в одночасье. Игра не стоила свеч.

Цзинь Мэй, чей призрачный облик парил под потолком, заметила:

— Чжэньжэнь, не расстраивайтесь. В тот день в Водном Зеркале его видения были туманны, но я кое-что поняла. По-вашему, у людей это называется «отсутствием чувства безопасности».

За эти дни Цзинь Мэй поняла, что Тяньвай-чжэньжэнь вовсе не такой холодный и неприступный, каким его описывали слухи.

С тех пор как в иллюзии Сюаньюань Кунь сжал руку Линь И и сказал: «Не хочу долголетия, не хочу терять тебя», — Линь И чувствовал, как его собственные нервные клетки гибнут одна за другой. Тогда он пообещал юноше, что не будет на него давить. Но что делать теперь? Как его уговорить?

«В оригинале Линь И как-то же его убедил? — сокрушался он. — Я, как автор, помню сюжет, но совершенно не представляю, какими именно словами наставник на него подействовал. Устал, больше не могу».

— Отсутствие безопасности? — переспросил Линь И, прокручивая в голове свои поступки. — Я ведь относился к нему более чем хорошо.

Цзинь Мэй вздохнула и перелетела из одного угла комнаты в другой.

— Я сама не до конца понимаю, но это просто чувство. Возможно, вам нужно больше разговаривать.

Линь И устал смотреть на её красное платье.

— Да, ты права. Нужно поговорить. Пойду составлю ученику компанию за ужином.

Цзинь Мэй замерла и побледнела:

— Что на ужин? Опять суп из рыбьих голов?

Линь И невозмутимо кивнул.

— Чжэньжэнь, если ваш ученик так хочет рыбы, почему бы вам просто не купить готовый суп?
— простонала она.

Линь И ответил с долей пафоса:

— В покупном супе нет души!

На самом деле, её собратья-рыбы часто поедали друг друга, и это не было проблемой, но смотреть, как её шинкуют...

— Умоляю, — взмолилась Цзинь Мэй, — можно я не буду на это смотреть? Оставьте меня здесь.

Но Линь И был неумолим. Нож опустился на разделочную доску — быстро и точно.

— Нельзя. Ты дракон, чего тебе бояться?

«Но я была рыбой! — хотелось крикнуть ей. — Вы отсекаете голову и счищаете чешую прямо у меня на глазах!»

Цзинь Мэй была готова разрыдаться. «Эти двое — учитель и ученик — настоящие демоны!» — думала она.

Вообще-то, виноват был Сюаньюань Кунь. Если бы он не заказывал этот суп каждый день, Линь И не пришлось бы постоянно возиться с рыбой. А почему Кунь так полюбил это блюдо — оставалось загадкой.

На маленькой кухне уже всю кипел котёл, постоялый двор наполнялся аппетитным ароматом. Линь И разлил суп по мискам. Цзинь Мэй, измотанная зрелищем «казни», мысленно проклинала Сюаньюань Куня, а сам Линь И, хоть и чувствовал запах, аппетита не имел — мысли его были далеко.

«Не хочу терять тебя».

Кажется, это был первый раз в жизни Линь И, когда кто-то сказал ему такие слова. В тот вечер рука юноши была холодной, в глазах плескалась нескрываемая мольба, а у Линь И в груди словно что-то закипело. В тот момент он почувствовал себя последним подлецом. Ведь он вовсе не был таким бескорыстным, каким хотел казаться. Иначе как объяснить ту радость, что затопила его сердце?

Он не хотел, чтобы Сюаньюань Кунь отказывался от бессмертия. Линь И осознавал свою жадность: он хотел, чтобы эта преданность осталась с ним до самого конца.

Линь И передал поднос слуге. Цзинь Мэй ворчала, что это лишняя трата времени, но он лишь загадочно улыбался. Слуга, увидев знакомое блюдо, усмехнулся:

— Господин, вы едите одно и то же уже несколько дней. Может, смените меню?

Линь И покачал головой:

— Всё в порядке. Завтра мы покидаем Цзиньси, так что больше не попробуем вашей местной рыбы.

В комнату пробивались косые лучи заходящего солнца, подсвечивая пылинки в воздухе. С улицы доносился шум толпы. Линь И посмотрел в окно. Он так и не успел толком погулять по городу, а когда теперь представится случай — неизвестно.

Им с Сюаньюань Кунем нужно было серьёзно поговорить.

Вспоминая своё творение, «Одиноким меч», он думал о том, что Путь Безмолвия — самый надёжный способ достичь долголетия. Но сейчас, оказавшись здесь, он засомневался.

Если на Пути Бессмертия нет ни чувств, ни желаний, ни привязанностей... то ради чего тогда жить вечно?

Линь И наблюдал за людьми за окном — они смеялись, спорили, любили.

«Дао — это и есть одержимость. У лекарей это любовь к травам, у призывателей — любовь к зверям. Но они не ищут Небесного Дао. Небесное Дао — это беспристрастность, отсутствие боли от потерь. Именно поэтому я заставил героя выбрать этот путь в книге».

Но теперь, когда герой был рядом, Линь И понял: он не хочет, чтобы Сюаньюань Кунь стал бесчувственным камнем.

Он глубоко вздохнул и решительно направился к комнате ученика. Раньше он был автором. Теперь он был Линь И. И он не позволит Сюаньюань Куню лишиться желаний!

Линь И постучал и вошёл. Беловолосый юноша сидел за столом. Он слегка улыбался — совсем не та пустая маска, которую он носил в начале их пути. Сейчас Сюаньюань Кунь казался Линь И воплощением спокойствия и красоты.

Даже в их первую встречу, когда Сюаньюань Кунь был изранен и грязен, Линь И чувствовал к нему необъяснимую симпатию. А после того взгляда под луной юноша и вовсе стал для него кем-то особенным. Ему пришлось признать: у него есть свои корыстные цели.

На столе стояла нетронутая миска супа. Сюаньюань Кунь словно ждал прихода учителя.

— Учитель, — произнёс он.

Цзинь Мэй не спешила показываться. Она не любила Сюаньюань Куня. И дело было не в том, что он разрушил её чары или ел рыбу, — это была инстинктивная неприязнь.

Линь И сел напротив и кивнул. Он протянул руку — его пальцы, ухоженные и бледные, выглядели почти прозрачными — и начал медленно наливать суп в пиалу Сюаньюань Куня.

— Я долго думал над твоими словами, — тихо сказал Линь И, добавляя кусочки рыбы в миску.

Он с удовольствием бы поел вместе с ним, если бы не особенности его нынешнего тела.

Сюаньюань Кунь принял пиалу, не сводя глаз с наставника, и начал есть под его присмотром.

— Благодарю, учитель.

Почему еда, приготовленная им, казалась такой вкусной? Сюаньюань Кунь давно понял причину: дело было в руках, которые её готовили. Юноша смягчился, в его взгляде читалась благодарность. Линь И почувствовал, как к лицу приливает жар — этот взгляд был слишком обезоруживающим. Он едва не забыл все заготовленные речи.

Отведя глаза, Линь И заговорил серьёзнее:

— Не стану отрицать, в твоих словах есть истина. Отсутствие желаний — основа Пути Безмолвия, и для такого человека бессмертие действительно может потерять смысл.

Сюаньюань Кунь молча слушал.

— Но Путей — тысячи, — продолжил Линь И. — Необязательно выбирать этот. Если не хочешь Пути Безмолвия — не надо. У нас много времени, ты найдёшь своё Дао позже.

Он ожидал, что Сюаньюань Кунь будет упрямиться, но не ожидал такой лёгкой уступки.

— Значит, даже если я не хочу практиковать, вы всё равно заберёте меня на гору Бутянь? — с сомнением спросил Сюаньюань Кунь.

— А ты хочешь туда? — просто вопросом на вопрос ответил Линь И.

Их взгляды встретились. Каждый чувствовал, что за этими словами кроется нечто большее. Сюаньюань Кунь покачал головой, и у Линь И на мгновение упало сердце, но юноша добавил:

— Учитель, я хочу. Но даже если мой корень исцелят, без стремления к Дао я лишь опозорю вас.

Гора Бутянь была священным местом, оплотом великих заклинателей. Быть учеником Тяньвай-чжэньжэня — значит быть в центре внимания всего мира. Линь И об этом даже не подумал.

— Меня никогда не заботили такие вещи, — облегчённо выдохнул он.

Сюаньюань Кунь едва заметно улыбнулся.

— Учитель, если я исправлю корень, смогу ли я и дальше пробовать ваши блюда?

Линь И застыл. Смена темы была настолько внезапной, что он потерял дар речи. В комнате повисла тишина. Его сердце, и без того работавшее неспешно, на миг замерло. Сюаньюань Кунь тем временем невозмутимо допил суп.

— Что бы учитель ни готовил, для меня это — высшее лакомство. Но почему вы не сказали, что это ваших рук дело?

Сюаньюань Кунь, кажется, окончательно смягчился, хотя и выразил сожаление, что в будущем таких трапез может не быть. Глядя на этого улыбающегося красавца, Линь И не знал, радоваться ему или придумывать оправдания. Скрывая смущение, он кашлянул и поспешно сменил тему:

— Завтра мы возвращаемся. Хочешь купить что-нибудь напоследок в Цзиньси?

Сюаньюань Кунь посмотрел на Линь И. На фоне окна, в лучах заката, силуэт наставника казался золотистым и тёплым. Юноша улыбнулся шире. «Без желаний?» — подумал он. Этот человек радовался и смущался из-за простых слов.

Сюаньюань Кунь чувствовал, как внутри него зарождается нечто странное и огромное. Он не испытывал к этому чувству враждебности — напротив, оно казалось ему новым и захватывающим, совсем не похожим на его прошлую жизнь.

— Нет, ничего не нужно, — ответил он.

— Ну, нет так нет, — улыбнулся Линь И. — Тогда прогуляемся по городу после ужина. Если что-то приглянется — купим.

— Как пожелает учитель.

Тучи в душе Линь И рассеялись. Атмосфера стала на удивление уютной. «Наконец-то я нашёл правильный подход к главному герою! — ликовал он. — Впереди нас ждёт великий путь любви и согласия!»

Лето было в самом разгаре, поэтому, когда Сюаньюань Кунь закончил ужин, на улице ещё не совсем стемнело, хотя луна уже взошла, предвещая скорый приход ночи.

Рынок Цзиньси оживал. Торговцы зазывали покупателей, факиры готовились к представлениям, а дрессировщики обезьян проверяли реквизит. Фокусы и акробатика всё ещё были в почёте — людям нравилось разгадывать чужие секреты, не связанные с магией.

Цветные фонарики, золотые шпильки, гомон толпы — никто не обращал внимания на двоих мужчин в белом, идущих сквозь людской поток. Один был высок и прекрасен, словно весенний ветерок, растопивший снега, другой — чуть ниже, с едва заметной улыбкой и холодным взглядом.

Линь И наложил заклинание, скрывающее их ауры, чтобы не привлекать лишнего внимания. Он помнил, как на мосту Линьси все оборачивались вслед Сюаньюань Куню.

«Проклятое обаяние главного героя», — усмехнулся он про себя. Заметив, что Линь И качает головой, Сюаньюань Кунь остановился:

— Учитель, что-то не так?

«Просто смотрю, не светишься ли ты в темноте от своей крутизны», — подумал Линь И, но вслух произнёс назидательным тоном:

— Ничего. Просто подумал, что ты слишком хорош собой. Когда попадёшь на гору Бутянь, местные девы-заклинательницы наверняка потеряют голову и будут осаждать мой дворец Линсяо.

На самом деле Линь И не слишком об этом беспокоился — мало кто осмеливался тревожить его покой. Ему просто хотелось подразнить ученика.

Сюаньюань Кунь спокойно выслушал его и тихо позвал:

— Учитель.

— Хм?

Линь И обернулся. Их взгляды встретились. В глазах Сюаньюань Куня отражались огни праздничного города, а голос звучал с оттенком любопытства:

— А вы, учитель... вы тоже потеряли голову?

Белые одежды, волосы как чёрный шёлк — в этот миг Сюаньюань Кунь казался частью этого мира, но созданной исключительно для Линь И.

Линь И сглотнул. Прямота юноши застала его врасплох, сердце забило неровно. «Почти», — едва не сорвалось с губ.

— Глупости. Я мужчина, — отрезал он, чувствуя странное стеснение.

Из-за бледности кожи Линь И не мог скрыть румянец, подступивший к ушам. Он быстро подавил его магией, не заметив, что Сюаньюань Кунь поймал каждое мгновение этого замешательства.

Юноша усмехнулся. Ему стало интересно. Он медленно протянул руку и накрыл ладонь Линь И своей. Рука Куня была прохладной, но Линь И почувствовал, как по телу прошла волна тепла.

«Это всё его харизма главного героя», — пытался убедить себя Линь И, но Сюаньюань Кунь вдруг тихо произнёс:

— Я тоже мужчина. Но в моих глазах вы не такой, как все.

— И какой же? — севшим голосом спросил Линь И.

Сюаньюань Кунь чуть придвинулся к нему, сжимая руку:

— Очень красивый.

Они много раз касались друг друга в иллюзии, и Линь И знал, что его внешность безупречна. Но сейчас эти слова вызвали у него настоящую панику. Это было неправильно — место, время, человек.

Линь И собрал остатки воли и резко выдернул руку. Его разум твердил: Сюаньюань Кунь опасен. Нельзя позволять ему такие вольности.

— Ты применил ко мне технику очарования? — холодно спросил он, хмурясь.

Сюаньюань Кунь удивлённо моргнул. Он ничего не применял. Резкость наставника задела его. Он почувствовал укол обиды — крошечный, но болезненный.

Линь И, не дожидаясь ответа, зашагал вперёд, сердясь на себя. Как он, заклинатель стадии Перехода через Бедствие, мог поддаться влиянию простого смертного (пусть и главного героя)?

Сюаньюань Кунь шёл следом, отставая. «Наверное, я слишком много о себе возомнил», — подумал он. Наставнику просто неприятны его касания, а «очарование» — лишь предлог. Наконец он догнал Линь И и тихо произнёс:

— Простите, учитель. Не сердитесь.

Линь И остановился. Посмотрев на покорного юношу, он вздохнул:

— Впредь не позволяй себе подобных шуток.

Сюаньюань Кунь смиренно склонил голову:

— Как скажете. Если учителю неприятно — я больше не коснусь вас.

Линь И решил, что речь идёт о технике очарования, и удовлетворённо кивнул:

— Вот и хорошо. Чтобы это было в последний раз.

Сюаньюань Кунь промолчал, отвернувшись. «Значит, все те разы, когда он касался меня, были лишь необходимостью...» — горько подумал он. Ему следовало помнить об этом.

Город сверкал огнями, отражавшимися в тёмной воде каналов. Линь И заметил лодочную станцию и решил, что прогулка по воде будет отличным завершением вечера. Он нанял небольшую крытую лодку с шёлковыми занавесками.

Линь И шагнул на борт, но лодка качнулась под его весом. Он неловко взмахнул руками, едва не потеряв равновесие. Сюаньюань Кунь на берегу инстинктивно дернулся, чтобы поддержать его, но тут же опустил руку.

«Ему это не нужно».

Линь И выпрямился и протянул руку Сюаньюань Куню, приглашая его на борт. Но юноша словно не заметил жеста — он легко и уверенно перешагнул на лодку сам, сохранив идеальное равновесие.

«Ну и вредина», — подумал Линь И, вспоминая свою неуклюжесть.

Они сели на скамью. Шёлковые занавески развевались на ветру. Между ними повисло тяжёлое молчание. Линь И злился: почему Сюаньюань Кунь обиделся на справедливое замечание? А Кунь думал о своём.

Лодка миновала несколько поворотов. Тишина становилась невыносимой. Линь И пожалел, что отказался от услуг музыкантов — сейчас любая мелодия была бы кстати.

На третьем повороте лодку внезапно сильно потрянуло. Линь И успел упереться рукой, но Сюаньюань Кунь, не ожидавший толчка, повалился прямо на него. Юноша врезался плечом в грудь наставника, его рука скользнула по колену Линь И, и он начал заваливаться назад. Линь И вовремя подхватил его.

Сюаньюань Кунь на мгновение замер в его объятиях, а затем резко отстранился.

— Это сделала Цзинь Мэй, — сухо бросил он.

Рядом с Линь И материализовалась призрачная дева в красном.

— Ой, ну какие же вы скучные! — хихикнула она. — Сидите как два истукана. Учитель-молчун и ученик-молчун. Вы так скоро в камни превратитесь!

Её вмешательство разрядило обстановку. Линь И посмотрел на Сюаньюань Куня:

— Неужели ты до сих пор дуешься из-за того, что я отчитал тебя за технику очарования?

Сюаньюань Кунь выпрямился, стараясь сесть подальше.

— Я не применял технику, — повторил он. — Но я понял: учителю неприятны мои прикосновения. Виноват, был слишком настойчив.

Линь И нахмурился:

— С чего ты взял, что мне неприятно? Если ты не колдовал, то почему я тогда...

— Чжэньжэнь, — перебила его Цзинь Мэй, широко улыбаясь. — Клянусь, ваш ученик чист! Вы просто сами... слишком впечатлительны.

Линь И замолчал. «Ореол главного героя, чтоб его», — подумал он.

Он потёр переносицу и вздохнул. Объяснять Сюаньюань Куню про законы жанра было бесполезно, поэтому он просто сказал:

— Прости, я был неправ. Я вовсе не против твоих прикосновений. Просто... в тот момент я был немного не в себе.

Линь И накрыл холодную ладонь Сюаньюань Куня своей.

— Не бери в голову. Если мне что-то не понравится — я скажу прямо.

Не успел Сюаньюань Кунь ответить, как Цзинь Мэй охнула и исчезла. Линь И проследил за её взглядом и увидел на берегу Лэн Бэйси и Лэн Вэйсян.

Они должны были вернуться на гору Бутянь ещё несколько дней назад. Видимо, новость о жемчужине заставила их задержаться в ожидании Линь И.

Лэн Бэйси лишь мельком взглянул на проплывающую лодку и, помрачнев, пошёл прочь вместе с дочерью. У самой воды они столкнулись с Лу Цзычэнем.

Отношения между семьями Лу и Лэн всегда были натянутыми, но внешние приличия соблюдались свято. Лу Цзычэнь вежливо поклонился:

— Дядя Лэн.

Лэн Бэйси сухо кивнул:

— Я слышал о Лу Чжане. Теперь вся ответственность на тебе. Если возникнут трудности — двери дома Лэн открыты для переговоров.

Они не были друзьями, так что разговор не затянулся.

— Тяньвай-чжэньжэнь всё ещё в городе? — спросил Лэн Бэйси.

Лу Цзычэнь подтвердил, что Линь И остановился в постоялом дворе на юге. Лэн Бэйси направился туда. Лэн Вэйсян, одетая как мальчик, осталась на берегу и сердито уставилась на Лу Цзычэня.

Тот присел перед ней, улыбаясь. Девочка была очаровательна в своём напускном гневе.

— Почему ты не пошла с отцом?

— Ты теперь глава рода Лу? — буркнула она.

— Похоже на то, — мягко ответил он.

Лэн Вэйсян вдруг выхватила меч — длинный, почти с неё ростом, но держала она его уверенно.

— Сразись со мной!

Упрямая малышка. Лу Цзычэнь поднялся, глядя на неё сверху вниз:

— Я не бью детей.

— Тогда когда ты сразишься со мной?!

Лу Цзычэнь задумался.

— Когда тебе исполнится пятнадцать, идёт?

Лэн Вэйсян нахмурилась. До её совершеннолетия оставалось восемь лет. Этого времени хватит, чтобы стать сильнее и опозорить главу рода Лу.

— Восемь лет! — заявила она. — Жди! Мой Меч Лазурной Пустоты будет лучшим!

Она развернулась и убежала. Ей нужно было стать сильнейшей, чтобы отец, наконец, заметил её и её мать.

Лу Цзычэнь проводил её взглядом, усмехаясь. Он ведь просто не хотел бить женщину, почему она не дослушала?

Линь И, наблюдая за ними с лодки, лишь посочувствовал Лу Цзычэню.

«Сегодня ты не бьёшь ребёнка, а через восемь лет эта женщина размажет тебя по стенке...»

<http://bllate.org/book/17554/1713173>